

гражданина ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства (заболевания) с установлением над ним попечительства, о круге его гражданских прав, определенных в п. 2 ст. 30 ГК.

Библиографические ссылки

1. Воронова О. Н. Расточительство как «новое» основание ограничения дееспособности граждан // Нотариус. 2020. № 7. С. 22–24.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 // Ведамасці Нац. сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.

3. Серова О. А. Ограничение дееспособности (вменяемости) лиц, страдающих психическими расстройствами: отсутствие системности норм в российском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 2. С. 436–442.

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 18–19. 2/13.

5. О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 13 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 3. 6/425.

Унукович Е. А.

ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРА

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, unukovich@tut.by

Развитие альтернативных способов разрешения споров (далее – АРС) в Республике Беларусь в значительной степени зависит от законодательного закрепления системы гарантий реального исполнения актов соответствующих юрисдикционных органов, а также результатов урегулирования спора, достигнутых сторонами вне юрисдикционной формы.

Привлекательность АРС в значительной степени обусловлена минимальным проявлением публично-правовой составляющей, характерной для государственного правосудия. Однако именно эта составляющая позволяет обеспечить реальное исполнение актов судебных органов, в том числе и принудительное, а также допускает возможность применения мер принудительного характера со стороны уполномоченных государственных органов. По этой причине при реализации сторонами АРС важное значение имеет не только допущение принудительного исполнения решений третейских судов, международных арбитражных (третейских) судов,

медиативных соглашений, в том числе международных медиативных соглашений, но и возможность применения мер обеспечения иска и иных обеспечительных мер.

Если государственные суды вправе при необходимости распорядиться о принятии любых предусмотренных законом мер обеспечения иска в отношении предметов, находящихся как во владении сторон, так и у третьих лиц, то арбитры далеко не всегда обладают аналогичными полномочиями, и в этом заключается один из наиболее существенных недостатков арбитража [1, с. 196]. В законодательстве Республики Беларусь закрепляется возможность применения государственным судом мер обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским судом), третейским судом (ст. 23 Закона «О международном арбитражном (третейском) суде» от 09.07.1999 г. № 279-З, ст. 30 Закона «О третейских судах» от 18.07.2011 г. № 301-З). Однако эффективность реализации указанных норм во многом зависит от степени их урегулированности в процессуальном законодательстве.

С принятием Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам совершенствования судопроизводства в судах, рассматривающих экономические дела» от 01.07.2014 г. № 174-З в главе 9 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) нашли отражение вопросы обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским), третейским судом. В Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) соответствующие изменения не вносились. Имеющийся пробел в правовом регулировании рассматриваемых вопросов в гражданском судопроизводстве будет устранен с принятием проекта Кодекса гражданского судопроизводства (далее – проект КГС). Вместе с тем хотелось бы отметить ряд проблемных вопросов, требующих своего разрешения в рамках проводимой унификации процессуального законодательства.

Следует согласиться с критической оценкой закрепления различных подходов в отношении обеспечения иска, рассматриваемого третейским судом и международным арбитражным (третейским) судом [2, с. 24]. Существующие различия в правовом регулировании Закона «О международном арбитражном (третейском) суде» и Закона «О третейских судах» не только не имеют логического обоснования, но и порождают ряд проблемных вопросов, связанных, в частности, с обращением в государственный суд состава международного арбитражного (третейского) суда. Единообразный подход должен быть обеспечен не только в вопросах процессуального законодательства, но и в регулировании вышеприведенных Законов. Полагаем, что право обращения в государственный суд с ходатайством об обеспечении иска должно предоставляться заинтересованному лицу (стороне арбитражного (третейского) разбирательства), которое при реализации указанного права должно нести связанные с подобным обращением расходы, а также риски возможной компенсации убытков, причиненных ответчику применением обеспечительных мер.

Разрешение ходатайства об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, осуществляется в судебном заседании (ч. 2 ст. 115 ХПК), что исключает возможность оперативного реагирования суда на возможные недобросовестные действия стороны арбитражного (третейского) разбирательства. Отсутствие фактора внезапности в применении мер обеспечения иска может привести к отрицательным последствиям для заявителя. Законодателем не установлены сроки, в течение которых должно быть назначено судебное заседание по рассмотрению вопроса обеспечения иска, что также следует рассматривать в качестве недостатка правового регулирования с учетом назначения применяемых обеспечительных мер. По нашему мнению, реализация мер обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, должна осуществляться по общим правилам, закрепленным ч. 1 ст. 115 ХПК, без извещения лиц, участвующих в деле. И в этом случае гарантией устранения необоснованного применения мер обеспечения иска является возможность отмены обеспечения иска, обжалования определения суда о применении мер обеспечения иска, в рамках которых сторона арбитражного (третейского) разбирательства может заявить свои возражения по вопросу применения указанных мер.

Разделяя позицию о самостоятельном характере юридических дел о принятии государственным судом обеспечительных мер по спору, переданному на разрешение третейского суда (арбитража) [3, с. 82], полагаем, что в рамках правового регулирования указанной категории дел необходимо закрепить ряд процессуальных особенностей, которые не нашли своего отражения в главе 9 ХПК. Так, необходимо закрепить правила специальной родовой подсудности, определить порядок разрешения ходатайств об изменении, отмене мер обеспечения иска (в судебном заседании с извещением сторон третейского (арбитражного) разбирательства).

Также следует устранить пробелы в регулировании правового положения сторон третейского (арбитражного) разбирательства в ходе производства по обеспечению иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским судом), третейским судом. В настоящее время указанные лица не относятся законодателем к участникам хозяйственного процесса (глава 6 ХПК). Данный пробел не устранен и в проекте КГС. Детально регламентируя состав лиц, участвующих в деле, имеющих непосредственный интерес в исходе дела (ст. 55 проекта КГС), применительно к отдельным категориям дел, рассматриваемым судами, законодатель не указывает при этом дела об обеспечении иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским судом), третейским судом. Представляется необходимым отражение данных лиц в числе лиц, участвующих в деле, в ст. 55 проекта КГС. Подобное закрепление устранил проблемные вопросы в части реализации предоставленных процессуальным законом прав по изменению, отмене мер обеспечения иска, обжалования определений суда по вопросам обеспечения иска.

Дополнение третейского (арбитражного) разбирательства элементами государственного правосудия, в части допущения мер принудительного характера, направленных на реализацию актов третейских (арбитражных) судов, способствует повышению его эффективности. В этой части можно говорить о единой процессуальной направленности правоотношений в сфере государственного судопроизводства и способов АРС, включая арбитраж, а также о существовании общей (процессуально-правовой) цели, которая достигается в результате применения как государственных, так и негосударственных (частных) способов разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов [4, с. 118].

Отдельно следует остановиться на возможности принудительной реализации медиативных соглашений, в том числе международных медиативных соглашений, и применения судом обеспечительных мер в рамках реализации указанной процедуры. Прежде всего следует учитывать, что речь идет о неюрисдикционной форме защиты нарушенных прав, что предопределяет особенности реализации указанных мер. Одной из важных гарантий применения сторонами медиации стало законодательное закрепление порядка выдачи исполнительного документа на основании заключенного сторонами медиативного соглашения (глава 35¹ ГПК и ст. 262¹–262³ ХПК). Дополнение процедуры медиации элементами государственного принуждения обеспечивает реальное исполнение принятых на себя сторонами обязательств.

Принудительное исполнение международного медиативного соглашения, а также применение экономическим судом обеспечения предмета международного медиативного соглашения стало возможным в связи с ратификацией Республикой Беларусь Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, от 20.12. 2018 г. (далее по тексту – Конвенция ООН). С принятием Закона «Об изменении законов по вопросам медиации» от 06.01.2021 г. № 89-З в ХПК был закреплен процессуальный порядок выдачи исполнительного документа на принудительное исполнение международного медиативного соглашения (ст. 262¹–262³), а также была введена норма об обеспечении предмета международного медиативного соглашения (ст. 113¹).

Положительно оценивая закрепление в законодательстве Республики Беларусь гарантий исполнения международного медиативного соглашения, вместе с тем полагаем необходимым отметить на имеющиеся противоречия в рамках применения обеспечительных мер. Так, согласно ст. 113¹ ХПК суд, рассматривающий экономические дела, по ходатайству сторон, находящихся в процедуре урегулирования спора в целях заключения международного медиативного соглашения, вправе принять меры по обеспечению предмета международного медиативного соглашения по правилам главы 9 ХПК.

Сама формулировка «Обеспечение предмета медиативного соглашения» не соответствует содержанию ст. 113¹ ХПК, поскольку данной нормой применение обеспечительных мер допускается «по ходатайству сторон, находящихся в процедуре урегулирования спора в целях заключения

международного медиативного соглашения», т. е. в момент, когда соответствующее соглашение еще не заключено, что с формальной точки зрения свидетельствует об отсутствии самого объекта обеспечения. В случае заключения медиативного соглашения процедура урегулирования спора сторонами является завершенной и имеет объективно выраженный результат, позволяющий определить избираемую судом меру обеспечения предмета международного медиативного соглашения. В соответствии со ст. 2 Конвенции ООН мировое соглашение считается заключенным «в письменной форме», если его содержание зафиксировано в какой-либо форме. Требование о заключении мирового соглашения в письменной форме считается выполненным посредством представления электронного сообщения, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования.

В соответствии со ст. 6 Конвенции ООН, если в суд, арбитраж или любой другой компетентный орган было подано ходатайство или требование, которое касается мирового соглашения и которое может затронуть помощь, испрашиваемую согласно ст. 4 Конвенции ООН, то компетентный орган Участника Конвенции, в котором испрашивается помощь, может, если сочтет это уместным, отложить вынесение этого решения и может также по просьбе одной стороны предписать другой стороне предоставить надлежащее обеспечение. Полагаем, что в ст. 6 Конвенции ООН речь идет о допущении надлежащего обеспечения уже заключенного международного медиативного соглашения, если существуют временные ограничения в допущении его принудительного исполнения (отложение исполнения) в рамках рассмотрения судом вопроса о его принудительном исполнении.

Нельзя согласиться также с закреплением в отношении обеспечения предмета международного медиативного соглашения общих правил главы 9 ХПК. Нормы главы 9 ХПК рассчитаны на применение норм обеспечения иска, рассматриваемого в рамках установленной хозяйственной процессуальной формы либо формы третейского (арбитражного) разбирательства. Полагаем, что подобный порядок не может быть распространен на результат внеюрисдикционного порядка урегулирования сторонами спора в рамках реализации норм международного права без учета соответствующих процессуальных особенностей. Расширение сферы применения мер обеспечения иска на требования, рассматриваемые международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом, вызвало необходимость включения в главу 9 ХПК специальных норм, отражающих специфику арбитражного (третейского) разбирательства. Однако в отношении обеспечения предмета международного медиативного соглашения такие особенности не закреплены, хотя вопросов, требующих своего разрешения, возникает намного больше, чем в отношении обеспечения иска, рассматриваемого международным арбитражным (третейским) судом, третейским судом.

Процессуальные особенности, учитывающие специфику объекта обеспечения – международного медиативного соглашения, отражены в

ст. 262¹–262³ ХПК в соответствии с положениями Конвенции ООН. Полагаем, что обеспечение предмета международного медиативного соглашения в рамках ст. 6 Конвенции ООН должно осуществляться при разрешении вопроса о допущении принудительного исполнения заключенного сторонами международного медиативного соглашения в соответствии со ст. 262¹–262³ ХПК, которые позволяют экономическому суду на основании представленных заявителем или запрошенных самим судом документов, решить вопрос о выполнении требований Конвенции ООН с учетом специфики объекта обеспечения.

Библиографические ссылки

1. Брунцева Е. В. Международный коммерческий арбитраж: учеб. пособие для высших юридических учебных заведений. СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001.

2. Каменков В. С. Меры по обеспечению иска в третейском суде // Юстиция Беларуси. 2021. № 2. С. 22–25.

3. Рожкова М. А. Средства и способы защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006.

4. Международный коммерческий арбитраж: учебник / науч. ред.: О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов; отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. (Библиотека журнала «Третейский суд». Вып. 9).

Ясинская-Казаченко А. В.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, Angelina_jas@mail.ru*

Начнем с подхода к соотношению категорий «правовой конфликт» и «правовой спор». В его концепции разделяются понятие «фактический конфликт», в состав которого входят спор о факте, процессуальные стадии, регламентированные нормами права, и понятие конфликта в «собственно юридическом смысле» [1, с. 80]. М. Ю. Бутневой сделан вывод, который может быть поддержан в части того, что под спором о факте следует понимать взаимоисключающие утверждения заинтересованных лиц о его наличии или правовом значении, при рассмотрении дела в особом производстве возможно разрешение спора о факте, который отнюдь не во всех случаях приводит к возникновению спора о праве, рассмотрение судом спора о факте не свидетельствует о спорности особого производства, а осуществляемая заявителем и заинтересованными лицами обязанность по доказыванию носит процессуальный характер и адресована суду. Что же касается фактических отношений, то они возникают не в связи с фактом